

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КНР: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея)¹

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10 а, Москва, Россия, 117198

В статье представлены результаты второго этапа совместного российско-китайского научно-исследовательского проекта, направленного на сопоставительную характеристику ценностных ориентаций студенческой молодежи двух стран. Сравнительный анализ данных репрезентативного выборочного анкетирования пекинского и московского студенчества заставил исследователей обратиться к проблематике внутривосточных различий — в итоге фокус работы сместился на ценностные приоритеты студентов столичных и региональных вузов. В России опрос был проведен в Майкопе, столице Адыгеи, и показал, что, несмотря на вполне схожую структуру и содержательные доминанты ценностных ориентаций молодежи двух городов в целом, между ними отчетливо прослеживаются важные различия, детерминируемые как социокультурными особенностями региона, так и институциональными ограничениями возможностей молодежи.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенты, молодежь, сравнительный анализ.

Предыстория социологического опроса в высших учебных заведениях Майкопа. Вот уже на протяжении десяти лет проблематика ценностных ориентаций студенческой молодежи находится в фокусе научно-исследовательской работы Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов. Первоначально разработка данной тематики осуществлялась совместно с Карловым университетом Праги (Чехия). Первое, разведывательное исследование ценностных ориентаций молодежи постсоветских России и Чехии в 1999 г. было нацелено прежде всего на согласование категориально-понятийного аппарата дальнейшей работы и его операционализацию, позволяющую проводить сравнительный анализ данных. В 2002 г. было реализовано полномасштабное сравнительное социологическое исследование патриотизма студенчества двух стран; патриотизм рассматривался как социальная установка личности, включающая в себя

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 08-03-00279а.

когнитивный, аффективный и конативный компоненты. Несмотря на очевидную сложность поставленной перед исследователями двух стран задачи именно сопоставительного анализа (в частности, само понятие патриотизма оказалось неактуальным, размытым и смешанным с понятием национальной идентичности в чешском обществе), результаты опроса показали, что в итоге почти одновременного перехода двух стран от социалистического пути развития к капиталистическому в мировоззрении молодых граждан сложились схожие приоритеты как в культурно-духовной, так и в материальной жизни.

До 2007 г. работа над проблематикой ценностных ориентаций продолжалась вне сравнительного странового контекста: проводились обследования московского студенчества, в первую очередь выборочных совокупностей бакалавров и магистров РУДН, по самым разным темам: варианты русской национальной идеи, отношение к службе в армии, досуговые предпочтения и структура бюджета времени современного студента, отношение молодежи к своему здоровью, оценка качества получаемого образования и своих профессиональных перспектив и др. Логическим завершением этой работы стало создание тематически насыщенного инструментария социологического анализа ценностных ориентаций молодежи, использовать который было особенно интересно в кросскультурном контексте. И в 2008 г. Социологическая лаборатория начинает сотрудничество с Центром исследований молодежи и юношества Китая (Пекин) в рамках совместного научно-исследовательского проекта по изучению ценностных ориентаций молодежи, обучающейся в столичных вузах двух стран. Обращение к китайским коллегам было в значительной степени обусловлено схожестью факторов развития наших стран (длительная геополитическая изоляция, запоздалая модернизация, болезненный переход от социалистического строительства к рыночной системе отношений, многонациональный характер общества и пр.), которые, несмотря на все социокультурные, экономические и политические особенности российского и китайского обществ, не могли не привести к формированию общих поведенческих и ориентационных паттернов молодежи, в частности, к «нарастанию индивидуалистических настроений» [2. С. 64].

Действительно, как показали результаты опроса одинаковых по объему выборочных совокупностей московского и пекинского студенчества, между молодежью наших стран не прослеживается существенных различий по образовательному блоку, за исключением большей ориентированности китайских студентов на обучение за границей и скорейшее трудоустройство после окончания вуза; в оценках перспектив собственного трудоустройства после окончания вуза, хотя российские студенты менее оптимистичны и более прагматично настроены; в характеристике отношений с родителями, друзьями и более широким социальным окружением (семейная модель родительской семьи более приемлема в качестве образца для российских студентов; их китайские сверстники практически не вступают в брачные отношения в период учебы, откладывая официальную регистрацию отношений на период достижения материальной независимости); во включенности в политическую жизнь общества — уровень заинтересованности и политического оптимизма достаточно высок в обеих странах, однако китайские студенты

более однозначно характеризуют себя в координатах патриотизма, более позитивно воспринимают западное влияние и оценивают деятельность органов государственного управления, чувствуют себя более социально защищенными и демонстрируют более высокий уровень доверия основным социальным институтам [6; 12].

Обсуждение результатов опроса в Пекине и Москве привело российскую и китайскую исследовательские группы к вполне закономерному вопросу: если структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи двух стран оказалась столь схожей, будет ли картина аналогичной в случае сопоставительной характеристики по тем же параметрам студентов столичных и региональных вузов внутри стран? Второй этап российско-китайского проекта было решено провести в формате анкетирования репрезентативных выборок студенческой молодежи Гуанчжоу в Китае и Майкопа в России (в каждом городе было опрошено 1000 человек).

Ценностные ориентации студентов Гуанчжоу. Результаты опроса в Гуанчжоу, третьем по своим социально-экономическим и демографическим показателям городе Китая, крупном политическом, культурном и образовательном центре страны, позволили нашим китайским коллегам сделать следующий вывод: структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов весьма схожи. Конечно (и это вполне предсказуемо) в Гуанчжоу несколько выше оказалась обеспокоенность социально-экономическими и политическими событиями, впрочем, как и уровень патриотизма и доверия органам государственной власти и общественным институциям (китайские исследователи связывают подобные различия с массовыми катастрофами и мировыми достижениями Китая за последние полтора года); почти в два раза больше число респондентов, для которых важно, чтобы заработная плата была пусть не очень высокой, но обязательно стабильной; выше удовлетворенность студентов различными сторонами своей жизни (питанием, условиями проживания, степенью социальной интегрированности) при аналогичных с пекинскими респондентами оценках уровня материального положения. Подобные тенденции всегда прослеживаются в ситуации снижения «урбанизированности» (и, соответственно, роста безработицы и сокращения институциональных возможностей самореализации в профессиональном и социальном отношениях) и нарастания «общинности» образа жизни.

Практически по всем остальным показателям у студентов столичных и региональных вузов Китая не выявлено заметных различий: все респонденты гордятся достижениями китайского общества в культуре, спорте, в военно-технической и социальной сфере, тогда как уровень жизни населения и система образования вызывают их недовольство; в качестве базовых критериев жизненного успеха студенты называют здоровье, семейное благополучие и самореализацию, в том числе достижение общественного признания, требующего от человека коммуникабельности, оптимизма, трудолюбия, настойчивости, порядочности и целеустремленности как необходимых дополнений к багажу профессиональных знаний и специализированных навыков. Студенты во многом следуют собственному рецепту ус-

пешности: смотрят в будущее спокойно и оптимистично, планируют продолжать обучение, надеются успешно трудоустроиться, пусть и не всегда по специальности, возлагают ответственность за современное состояние китайского общества в том числе и на молодежь, обвиняя ее (т.е. себя) в безответственности, лени и пристрастии к вредным привычкам.

Рассмотрим теперь, насколько различны оказались ценностные приоритеты студентов российской столицы и столицы Республики Адыгея.

Результаты опроса студентов Майкопа. Майкоп — столица Республики Адыгея, образованной 27 июля 1922 г. в составе Краснодарского края как Адыгейская автономная область, а в июле 1991 г. получила статус республики, которая по своему экономико-географическому положению считается дотационным периферийным районом со слабыми выходами к общероссийской системе коммуникаций и по целому ряду показателей социально-экономического и демографического развития отличается от других регионов Северного Кавказа (например, Адыгея считается одной из самой русскоязычных и полиэтничных республик¹, наименее проблемной по состоянию рынка труда). В самом общем виде к социальным преимуществам Адыгеи относят климатические и рекреационные ресурсы, освоенность территории и высокую плотность населения, более медленные, по сравнению с общероссийскими, темпы депопуляции, соседство с развитыми районами Краснодарского края, стимулирующее трудовые миграции, продуктивное личное подсобное хозяйство, высокую продолжительность жизни; к социальным проблемам — слабо развитую экономику (Майкоп — единственный крупный промышленный центр республики с диверсифицированной экономикой), дефицит рабочих мест и высокий уровень безработицы, старение населения и депопуляцию (наблюдается нетипичная для Северного Кавказа естественная убыль населения), низкую заработную плату в основных отраслях экономики и низкие доходы населения, особенно сельского, слабую урбанизированность (чуть более половины жителей составляет городское население) и неразвитость крупных городских центров, межэтнические проблемы и сохранение патриархальных клановых форм в социальной структуре [8; 9].

В Майкопе функционирует целый ряд вузов² [1]: Адыгейский государственный университет (АГУ) и Майкопский государственный технологический университет (МГТУ); пять филиалов государственных и негосударственных вузов других российских регионов, в частности, Адыгейские филиалы Московского открытого социального университета, Северо-Кавказской академии государственной служ-

---

¹ По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Республики Адыгея проживает чуть больше 445 тыс. человек, среди которых преобладают русские — 67% и адыги — 23% (другие крупнейшие этнические группы — украинцы, армяне, татары, белорусы и немцы); в конфессиональном отношении доминируют христиане — 50—55% и мусульмане — 20—22% [11].

² Численность студентов вузов в Республике Адыгея в 2007—2008 учебном году составила 20,1 тыс. человек (из них 19,4 тыс. обучались в государственных вузах); для сравнения: в Москве те же показатели составляют 1306,4 и 836,9 тыс. студентов [13].

бы, Кубанской государственной медицинской академии и др. Выборка студентов в Майкопе, как и в московском опросе, репрезентировала генеральную совокупность по структуре выпуска специалистов: 36% опрошенных были студентами технических специальностей, 52% — социально-гуманитарных и экономических, 12% — естественно-научных.

Итак, рассмотрим, насколько отличается структура и содержание ценностных ориентаций студентов регионального центра от жизненных приоритетов столичной молодежи.

Образовательные ценности. Как и студенты московских вузов, в качестве основных мотивов обучения в вузе майкопские респонденты называют желание получить необходимые для дальнейшей жизни знания и стать квалифицированными специалистами. Наиболее заметными оказались расхождения в выборе следующих причин получения высшего образования: для московских студентов чаще важно лишь получение диплома (17% против 9% в Майкопе) или отсрочки от армии (16% против 7%), а также возможность удачно выйти замуж (5% против 2%). Сложно предложить здесь какие-то интерпретации, но, видимо, следует говорить о более ответственном отношении к образованию и более осознанном подходе к жизненному выбору самой альтернативы — получать высшее образование или нет — в Майкопе. Однако удовлетворенность качеством образования у московских студентов выше — 53% опрошенных против 42% майкопских респондентов не хотели бы сменить вуз обучения; каждый третий студент Майкопа (и только 17% в Москве) предпочли бы учиться в каком-то другом российском вузе.

Продолжать обучение в магистратуре или аспирантуре планирует больше московских студентов, чем майкопских, — 27% против 17%, тогда как категорически настроены закончить свое образование степенью бакалавра или специалиста 31% московских и 42% майкопских респондентов. Приведенные распределения ответов говорят о том, что настрой на получение высшего образования в Майкопе очень серьезен, но студенты прекрасно осознают как не всегда высокое качество образования (видимо, в соотношении с требованиями рынка труда), так и отсутствие необходимости повышать свой образовательный уровень постдипломным обучением в ситуации высокой безработицы, когда работодатели вряд ли будут терпеть отлучки сотрудника на учебу, а родители — кормить ребенка еще несколько лет, когда он будет только продолжать учиться, не работая.

Профессиональные приоритеты и оценка шансов на трудоустройство. Высказанные выше предположения относительно различий образовательных предпочтений студентов Москвы и Майкопа подтверждаются оценками молодежи своих шансов на трудоустройство после окончания вуза: хотя более 80% опрошенных в обоих городах уверены, что смогут найти работу сразу после окончания вуза, каждый третий майкопский студент считает, что ему придется долго искать работу по специальности (в Москве — 17%), а каждый четвертый (36% в Москве) полагает, что без проблем найдет себе работу, но не по специальности.

В последние годы исследователи говорят о новой модели образовательного поведения и трудовой занятости молодежи, которая предполагает все большее рас-

пространение выхода студентов на рынок труда и обретения первичного трудового опыта, нередко по профессии, еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было прежде [5]. Эта модель представлена и в наших данных: на момент опроса работал каждый второй московский студент (в основном в коммерческих структурах), хотя только третья часть работающих была трудоустроена по своей будущей специальности; в Майкопе работал лишь каждый пятый респондент, и только четверть из них — по специальности. Критерии трудоустройства у работающих студентов двух городов совпали: на первом месте была возможность совмещения работы с учебой, на втором — размер заработной платы и связь занятости с получаемой специальностью.

Понимая ограниченность регионального рынка труда, майкопские студенты предъявляют несколько иные требования к своей будущей работе: хотя, как и московские респонденты, приоритетными критериями занятости они считают высокую заработную плату (76%) и интересность (74%), гарантии карьерного роста и возможность приносить пользу людям для них более значимы (69% против каждого второго московского студента в первом случае и 28% против 18% — во втором), а предоставляемые работой перспективы самореализации, свободы действий и свободного времени, наоборот, менее важны (соответственно 33% против 43% и 18% против 26%). С одной стороны, здесь, видимо, срабатывают прагматичные критерии — главное просто трудоустроиться, а потом уже можно соотносить степень занятости с возможностями личностного роста и досугового времяпрепровождения; с другой стороны, ощутимо влияние поведенческих моделей традиционного общества, для которого важна как позиция человека в организационной иерархии сама по себе, так и вытекающие из нее возможности поддержки своих родственников и дружеских социальных сетей.

Трактовка успешности в сознании студентов двух городов совпадает, но акценты несколько различаются: для майкопской молодежи успех выступает как сумма трех компонентов — материального достатка, карьерных достижений и семейного благополучия (более 60%), за которыми следуют творческая самореализация (47%) и общественное признание (24%); для московских респондентов безусловным мерилом успешности является материальный достаток (61%), на втором месте — творческая самореализация, карьерные достижения и семейное благополучие (порядка 50%), а общественное признание важно для каждого третьего. К личностным качествам, которые сегодня позволяют человеку достичь жизненного успеха, студенты относят, прежде всего, трудолюбие и целеустремленность (более 60%), коммуникабельность и талант (более 50%); затем оптимизм и расчетливость. В качестве критериев успешности московские студенты чаще выделяют прагматизм (18% против 5% майкопских респондентов), честолюбие и амбициозность (35% против 20%), умение манипулировать окружающими (30% против 22%) и даже цинизм (7% против 4%); майкопские студенты — умение держать язык за зубами (29% против 17%), честность (32% против 22%), исполнительность (32% против 24%), и в то же время и умение идти напролом в достижении своей цели (30% против 23%). В целом налицо более «индивидуалистическая» ориента-

ция московского студенчества и более «коллективистская», традиционная — майкопского.

Понятно, что критерии профессионального успеха в таком ценностном поле тоже несколько различны: большинство опрошенных (около 80%) признают важность собственных знаний и умений, трудолюбия и готовности много работать для достижения цели, коммуникабельности наряду с наличием нужных связей и знакомств; однако для майкопской молодежи более значима поддержка родителей, друзей и близких (ее отметили 77% опрошенных против 66% в Москве), а наличие диплома престижного вуза наряду с везением кажется менее важным, чем все приведенные выше показатели профессионального успеха. Наиболее существенное расхождение в понимании предпосылок успешной карьеры между студентами двух городов состоит в оценке роли иностранного языка — 85% студентов в Москве против 64% в Майкопе считают необходимым знать хотя бы один иностранный язык (видимо, это связано с отчетливым пониманием майкопскими респондентами ограниченности использования иностранных языков на региональном рынке труда).

Межличностное взаимодействие. Минимальные различия между студентами столицы и регионального центра прослеживаются именно по данному блоку. Так, большинство студентов выросло в полных семьях (в Майкопе их несколько больше — 78% против 71% — за счет меньшего количества неполных семей); и на сегодняшний день каждый второй студент проживает с родителями (54% в Майкопе и 47% в Москве). Свои отношения с родителями респонденты оценивают весьма позитивно, однако майкопские студенты чаще характеризуют их как полное взаимопонимание (каждый второй против 39% московских респондентов), тогда как московские студенты — скорее как просто теплые и дружеские (46% против 36% в Майкопе). Почти 70% опрошенных устраивает модель воспитания детей, принятая в их семьях. Относительно желаемого количества детей мнения майкопских и московских студентов практически совпали: 4% опрошенных не хочет иметь детей, каждый десятый мечтает о большой семье, где будет более трех детей, около 40% ориентированы на двух детей. Пунктом расхождения двух массивов выступает ориентация на рождение трех детей — если в Москве это приемлемо для 13% опрошенных, то в Майкопе их число возрастает до 23% за счет снижения количества неопределившихся и желающих быть родителями только одного ребенка.

Практически идентичны в двух массивах оценки брачных перспектив: 88% опрошенных не состоят в официальном браке и не живут вместе, но далее цифры немного отличаются — среди московских студентов оказался более распространен так называемый гражданский брак (официально именуемый российскими юристами сожительством) — 7% против 4% в Майкопе, тогда как среди их сверстников из столицы Адыгеи, наоборот, официальный брак — 7% против 5%. Конечно, подобные цифры не позволяют делать каких-либо обобщений, но, видимо, в Майкопе отношение к гражданским бракам остается более настороженным, чем в столице (вероятно, в других городах Адыгеи данная тенденция про-

смагиваться еще более четко). Некоторый традиционализм в отношении к браку прослеживается и в ответах майкопских студентов на вопрос о планах официально оформить свои отношения с любимым человеком: число никогда не задумывавшихся над этим в Майкопе существенно ниже (22% против каждого третьего московского респондента), как и число не видящих необходимости в официальном оформлении отношений вообще (2% против 4,4%). Треть опрошенных в обоих городах считает нужным отложить этот вопрос до достижения материальной независимости, еще треть майкопских респондентов собирается заключить брак сразу после окончания вуза и трудоустройства: в Москве таковых 22%.

Что касается дружбы, то общая тенденция здесь сводится к наличию весьма широкого круга общения (у более чем 70% опрошенных), где респонденты выделяют несколько близких им людей. В сложной жизненной ситуации около 60% студентов обратятся именно к друзьям, треть — к любимому человеку, а большинство — к родителям и близким родственникам, причем к родителям в случае адыгейских студентов даже чаще (75% против 66% в Москве). Отношение к близким людям у всех опрошенных очень трепетное: каждый третий чувствует ответственность за своих друзей, более 80% — за свою семью и близких. «Эгоистов», что весьма предсказуемо, оказалось больше в московских вузах — 43% студентов чувствует ответственность только за себя (в Майкопе 30%).

Другой важный пункт различий в ценностных доминантах столичной и майкопской молодежи — степень политизированности сознания: 17% студентов Майкопа утверждают, что чувствуют ответственность за свой народ (в Москве этот вариант ответа выбрало только 6%), но она не вытесняет общероссийской ответственности — за свою страну (в Майкопе ее ощущают 14% опрошенных, в Москве — каждый десятый). Эти цифры вполне объяснимы в свете данных социологических исследований типов идентичности, сосуществующих в мировоззрении жителей Адыгеи: от горизонтальной субэтнической (внутри адыгского этноса) и этнической (как русского или адыга), и отсюда высокий уровень ответственности за свой народ, до вертикальной — гражданской [3]. Несмотря на то, что городская этноконтактная среда всегда характеризуется многонациональным окружением и расширяет рамки межэтнического диалога и взаимопроникновения культур, русским населением, доминирующим в этнической структуре Адыгеи, как и в общероссийском контексте, «почти потеряна традиционная (*этническая*) культура, хотя и с безусловным сохранением влияния православия» [10. С. 19]: суждение «Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью» лидирует у адыгейцев, тогда как у русских оно оказалось на второй позиции после этноисторической функции национальности (ее способности поддерживать память о предках). Подобная ситуация характерна для полиэтничных регионов, где наряду с распространением «нормальной» этнической идентичности озвучиваются гиперэтнические установки, например, в Адыгее незначительно доминируют представления о мононациональном браке, хотя регулярно фиксируется большая доля межнациональных [4].

Политические ценности. В целом майкопские студенты демонстрируют несколько более высокий уровень политизированности (понимаемой широко — как

интерес к самым разным аспектам жизни общества), чем их московские сверстники. Так, 28% майкопских респондентов всегда стараются быть в курсе политических событий в регионе, стране и мире (в Москве — 21%), а число вообще не интересующихся политикой и не желающих слышать о ней в Майкопе меньше (4% против 9%). Причины своей незаинтересованности студенты объясняют прежде всего отсутствием свободного времени (около 40%), вторыми по частоте упоминаний оказались уверенность, что «политика — это грязное дело» (22%), и убеждение в бессмысленности занятий ею (23% майкопских и 27% московских респондентов). Тем не менее большинство опрошенных принимает участие в выборах — число никогда не голосующих из принципиальной веры в невозможность что-либо изменить составляет 28% в Москве и 22% в Майкопе. Однако и здесь прослеживаются некоторые различия: практически каждый второй майкопский студент всегда ходит голосовать (в Москве 28%), а каждый третий принимает участие лишь в наиболее важных голосованиях — здесь доля московских респондентов оказалась выше (44%).

Наибольшие расхождения по данному тематическому блоку студенты двух городов продемонстрировали в своих партийных симпатиях, хотя и здесь просматриваются общие тенденции. Во-первых, в Майкопе оказалось меньше респондентов, не симпатизирующих вообще никаким партиям (29% против 42%). Во-вторых, если приверженцев национально-патриотических, социал-демократических, религиозных и прочих политических партий среди респондентов двух городов оказалось примерно поровну, то симпатизирующих либерально-демократическим партиям больше среди студентов столичных вузов (20% против 12%): майкопские респонденты чаще выбирают в качестве объекта политических симпатий «партии, находящиеся сейчас у власти» (52% против 29% в Москве), что еще раз подтверждает обычную для традиционного общества установку на поддержку и уважение того человека или группы, которые смогли высоко подняться в социальной иерархии.

Практически идентично в двух городах распределение ответов на вопрос об отнесении себя к патриотам: считает себя патриотом каждый второй опрошенный; треть респондентов затруднилась ответить на этот вопрос. Основная причина затруднений — сложность однозначного определения своего отношения к стране как патриотизма (так высказался каждый второй затруднившийся квалифицировать себя как патриота); почти треть не ответивших на данный вопрос полагает, что понятие патриотизма утратило сегодня, в эпоху глобализации, свое значение. Предметы национальной гордости совпадают в двух массивах — это история страны, природные богатства, культурное наследие и спортивные достижения; не обнаруживает поводов для гордости большинство опрошенных в деятельности государственных органов управления (в Москве даже больше — 84% против 75%), в экономической и социальной сферах жизни общества (речь идет прежде всего об оценках уровня жизни населения), в том, как соблюдаются (вернее, не соблюдаются) права и свободы человека.

Весьма противоречивы оценки уровня развития науки и техники — мнения респондентов разделились примерно поровну с небольшим перевесом в пользу

тех, кто испытывает гордость за научно-технические достижения страны (вполне может быть, следуя государственной риторике). Наибольшие различия студенты двух городов продемонстрировали в характеристике положения страны на международной арене: московские респонденты практически единогласно не видят здесь поводов для гордости (74%), майкопские менее консолидированы — 40% полагает, что России есть чем гордиться. Столь же амбивалентны оценки российской армии: только треть майкопских и каждый пятый московский студент находят здесь поводы для гордости.

Несмотря на столь пессимистичные, по сути, оценки нынешнего состояния российского общества, студенты смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом (54% в Майкопе и 46% в Москве) или же спокойно, пусть и без особых надежд (35% и 42% соответственно). Конечно, практически каждый десятый студент, испытывающий чувство тревоги и неуверенности, размышляя о будущем, — тревожный показатель, но тут следует учитывать общий настрой студентов старших курсов, которым приходится крайне придирчиво оценивать свои жизненные перспективы, отказываясь от юношеских мечтаний в столкновениях с реальными проблемами сегодняшнего дня.

Основной институциональный субъект доверия российской молодежи — Президент РФ (видимо, независимо от конкретной личности, данный пост занимающей), рейтинг доверия к которому составляет приблизительно 60% (уровень недоверия не превышает трети респондентов); несколько отстает от него институт церкви — уровень доверия к ней превышает 50%. Лидеры по критерию недоверия у нынешних студентов таковы: с одной стороны, силовые структуры — милиция и правоохранительные органы, которым не доверяет 79% московских студентов и 69% майкопских (соответствующие уровни доверия — 15% и 23%), за ними следует армия — недоверие к ней выразили 67% московских и 51% майкопских студентов — и суды, деятельности которых доверяет лишь каждый третий студент; с другой стороны — политические партии — им не доверяет 63% майкопских студентов (доверяет 22%) и 73% московских (обратного мнения придерживается лишь 14%), за ними идут российские общественные и международные неправительственные организации, работающие в России, — не доверяет им каждый второй опрошенный, доверяет каждый третий (в Майкопе только каждый пятый). Столь тотальное «недоверие», видимо, объясняет и политическую апатию молодежи (понятно нежелание участвовать в деятельности и поддерживать организации, которым не доверяешь), и нарастание авторитарных тенденций в российском обществе (если субъект национального доверия фактически один, то именно он единолично может легитимировать большую часть социальных практик).

В целом уровень доверия/недоверия майкопских студентов базовым властным и социальным институциям на 10—20% выше, чем у их московских сверстников. Так, доверяют правительству Российской Федерации 46% студентов Майкопа (не доверяют — 41%) и 32% студентов московских вузов (не доверяют 58%); Государственной думе — 33% майкопских (уровень недоверия — 52%) и 21% (68%) московских респондентов; Совету Федерации — 37% (уровень недоверия — 46%) и 26% (59%) соответственно; Общественной палате — 32% (уровень недоверия —

49%) и 23% (58%). Средства массовой информации не вызывают доверия у 63% московских и у каждого второго студента Майкопа, соответствующие различия в уровне доверия — 30% и 39%. Уровень доверия банкам примерно совпадает (каждый десятый затруднился однозначно выразить свою позицию, мнения остальных поделились примерно поровну между доверяющими и сомневающимися), но крупный бизнес оказался более привычен и понятен столичным студентам — уровень доверия ему среди них несколько выше (41% против 31%).

Общие ценностные приоритеты и проблемы. Если проранжировать (достаточно условно) варианты ответов студентов на вопрос о наиболее острых проблемах, которые сегодня стоят перед молодежью, то на первом месте окажутся наркомания и алкоголизм; на втором — курение и морально-нравственная деградация общества; на третьем — проблемы со здоровьем, преступность, нехватка материальных средств и отсутствие поддержки со стороны государства; на четвертом — общая неблагоприятная экономическая ситуация в стране, которая делает недоступным образование, ограничивает досуговые возможности, обуславливает коррупцию властных структур и, тем самым, нарушение гражданских прав и свобод личности. Иными словами, российская молодежь, независимо от региона проживания, винит в своих проблемах не только и не столько существующий общественный порядок, сколько себя, прежде всего за социально неодобряемые практики.

В мнениях московской и майкопской молодежи прослеживаются важные различия: во-первых, как свою важнейшую проблему студенты Майкопа назвали безработицу — так считает 71% опрошенных (в Москве — каждый четвертый). Безусловно, уже один этот показатель позволяет понять, насколько тяжела ситуация с трудоустройством в Адыгее. Во-вторых, ряд расхождений в ответах московских и майкопских студентов, видимо, определяется большей традиционностью адыгейского общества: его в меньшей степени затронула морально-нравственная деградация (ее назвали 48% московских респондентов и 32% майкопских), характеризуют более теплые и близкие отношения детей с родителями (об отсутствии взаимопонимания с родителями как проблеме высказались 12% московских и 6% майкопских респондентов). Тем не менее указанные различия не повышают уровень пессимизма — в обоих массивах как пессимистов себя характеризуют лишь 3,5% опрошенных, тогда как все остальные считают себя либо оптимистами, либо реалистами, либо «ситуационистами» (могут быть кем угодно в приведенной типологии, в зависимости от обстоятельств).

Отсутствие среди молодежи единого вектора социального самочувствия связано прежде всего с амбивалентным восприятием российского общества: с одной стороны, студенты убеждены, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к нуждам других (около 75%), что в нашей стране без взятки невозможно решить ни одной проблемы (в Майкопе таковых на 10% больше — 74% против 64%); с другой стороны, уверены, что мир не без добрых, отзывчивых людей (около 80%), главное в жизни человека — честь и достоинство (78% в Майкопе и 68% в Москве), а спокойная совесть важнее любой прибыли

(65%). По ряду показателей майкопские студенты настроены более пессимистично, чем московские: каждый третий полагает, что нынешняя молодежь испытывает проблемы с адаптацией в современном обществе (в Москве — каждый пятый; не видит подобной проблемы соответственно 38% и 43% опрошенных); практически каждый второй студент Майкопа думает, что российская молодежь чувствует себя потерянными поколением (так же считает каждый третий студент столичного вуза), в том числе и в силу сложностей понимания родителями проблем нынешних студентов. Вероятно, поэтому «макиавеллистов», придерживающихся жизненного принципа «цель всегда оправдывает средства», среди майкопских студентов больше — 54% против 41%. Тем не менее суммарное количество баллов по шкале Лайкерта, включающей в себя все приведенные выше суждения, позволяет характеризовать социальное настроение студентов столицы и регионального центра как позитивное (более 80% опрошенных), а пессимизм чаще свойственен майкопской молодежи (на 6% больше, чем в Москве — 12%). Данное настроение определяют и оценки материального положения: хотя доминируют среди молодежи «средние» оценки (45—48%), выше среднего свой достаток оценивает 34% московских респондентов и 23% майкопских, тогда как ниже среднего — наоборот, 18% студентов в Москве и 33% — в Майкопе.

В Майкопе больше число считающих себя верующими (69% против 56%), и приведенные выше статистические данные о конфессиональной принадлежности жителей Адыгеи в принципе подтвердились результатами опроса: 53% майкопских студентов считают себя православными, но процент мусульман оказался почти в два раза выше — 43% (вероятно, это связано с демографическими и миграционными особенностями в различных этнических группах адыгского общества). Говорить о соотношении численности представителей разных конфессий в Майкопе и Москве бессмысленно, учитывая мозаичный характер таковых в Москве и устойчивую структуру в Адыгее, однако частота посещения религиозных учреждений в обоих городах одинакова — практически еженедельно посещает храмы/мечети лишь каждый десятый респондент, больше трети — вообще не посещает, а каждый второй — несколько раз в год по большим праздникам. По мнению студентов, религия дает человеку морально-нравственную опору в жизни, возможность облегчить душевные страдания и покаяться, реже — смысл жизни и путь к спасению в вечной жизни, иногда — возможность найти близких по духу людей.

Интересные различия студенческой молодежи двух городов прослеживаются и, казалось бы, по весьма несущественным показателям, таким, как структура досугового времяпрепровождения: студенты Майкопа намного реже ходят в кино (еженедельно или несколько раз в месяц — 19% против 60% московских респондентов), реже посещают театры, выставки, концерты классической музыки (13% против 26%), клубы и дискотеки. Другие варианты проведения свободного времени практически не различаются по количеству своих приверженцев — это прогулки с друзьями, посещение различных шоу и музыкальных мероприятий, занятия спортом, чтение газет, журналов и художественной литературы (число мос-

ковских студентов, читающих книги ежедневно, оказалось в два раза выше — 26% против 12%), просмотр телевизионных фильмов и программ (здесь ситуация обратная — почти ежедневно смотрят телевизор 61% майкопских респондентов, но каждый второй москвич), видеоигры. Эти различия, очевидно, говорят просто о больших возможностях московских студентов в материальном плане, а также о наличии/отсутствии соответствующих институций, мероприятий и технических возможностей. Наиболее показательным распределением ответов на вопрос о использовании Интернетом: почти ежедневно выходят в Интернет в свободное время 52% московских и 23% майкопских студентов, несколько раз в месяц — наоборот, только 8% московских и 15% майкопских респондентов, очень редко — каждый десятый москвич, но каждый пятый студент в Майкопе, никогда не пользуются Интернетом 21% студентов Майкопа и только 5% московских респондентов.

В плане базовых смысложизненных ценностей студенты столичных и региональных вузов оказались солидарны (если отталкиваться от их модальных ранговых значений): на первое место по значимости для себя лично они поставили семью (в Москве количество центрированных на семью респондентов оказалось несколько меньше — 72% против 81%), на второе — здоровье и друзей, на третье — образование, на четвертое-пятое — работу, далее следуют материальный достаток, свободное время, религия, политическая и общественная деятельность. Конечно, наблюдаются небольшие вариации в распределении приоритетов студентов двух городов (например, московские респонденты в пять раз чаще на первое место ставят свободное время и в два раза чаще присваивают религии последнюю, десятую позицию в иерархии лично значимых ценностей), но они не настолько статистически значимы, чтобы можно было говорить о существенных различиях в мировоззрении респондентов.

Таким образом, налицо амбивалентный характер ценностно-нормативной сферы нынешней студенческой молодежи России, и в случае региональных вузов картина становится еще более сложной: с одной стороны, студенты Майкопа придерживаются тех же ценностных доминант, что и их московские (и в целом российские) сверстники; с другой — ряд ценностных приоритетов у них принципиально иной по причине влияния как более традиционной социокультурной ситуации (например, материальный достаток выступает лишь как один из весьма важных, но не первостепенных критериев жизненного успеха), так и меньших институциональных возможностей самореализации в образовательной (их чаще не устраивает качество образования, они не собираются продолжать обучение), профессиональной (они чаще уверены, что не смогут найти работу по специальности, не смогут трудоустроиться), общественно-политической (выше уровень доверия базовым социальным институтам) и прочих сферах жизни общества. В сопоставительном страновом ракурсе очевидно, что в целом структура и содержание ценностных ориентаций студенческой молодежи столичных и региональных вузов Китая, в отличие от России, схожи; в российском контексте различия ценностных доминант столичного и регионального молодежного самосознания более ярко выражены, иначе акцентированы и потому содержательно важны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асланова М.А.* Развитие образовательной системы поликультурного региона (на примере Республики Адыгея): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — Майкоп, 2007.
- [2] *Вишневский Ю.Р., Шанко В.Т.* Студент 90-х — социокультурная динамика // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
- [3] *Данилова Е.Н.* Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. — 2000. — № 3—4.
- [4] *Делова Л.А.* Социокультурные факторы межэтнической брачности (на примере Республики Адыгея): социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. — Майкоп, 2001.
- [5] *Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д.* Российский студент сегодня: учеба плюс работа. — М., 2002.
- [6] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2008. — № 4.
- [7] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: статистический сборник. Госкомстат России. — М., 2003.
- [8] Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Статистический сборник. Росстат. — М., 2005.
- [9] Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. Статистический сборник. Росстат. — М., 2006.
- [10] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М., 2002.
- [11] Социально-экономическое положение Республики Адыгея в январе—августе 2002 г. — Майкоп, 2002.
- [12] *Чжэн Вейдун.* Ценностные ориентации российских и китайских студентов: сравнительная характеристика // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2008. — № 4.
- [13] http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_5&group=sub&ttype=0&Field=S37&Field=S38.

VALUE SYSTEM OF STUDENTS IN RUSSIA AND CHINA: THE REGIONAL DIMENSION (exemplified by Guangzhou and Maikop, Republic of Adygeya)

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/1, 117198, Moscow, Russia

The article helps the reader to the results of the second stage of the joint Russian-Chinese research project devoted to the comparative analysis of the value system of students in both countries. The comparative analysis of the representative questionnaire survey of Beijing and Moscow students prompted the authors to address the problems of regional differences at home. As a result the researchers turned their attention to value priorities of students of metropolitan and regional institutions of higher education. In Russia the survey was conducted in Maikop (the capital of Adygeya). It has been demonstrated that although value systems of young people in both cities bear enough similarities in their structure and appropriate dominants on the whole, one can observe significant and pronounced differences determined by socio-cultural features of the region as well as by institutional limitations on youth opportunities.

Key words: value system, students, the youth, comparative analysis.